

УДК 902.01

Л.Л. Косинская

НЕОЛИТ НАДЫМ-ПУРОВСКОГО ВОДОРАЗДЕЛА: ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМАТИКА

Вводятся в научный оборот предварительные результаты исследований 2012 г. на поселении раннего неолита Ет-то I (жилище 5, эттовский культурный тип). Комплексы жилища 5 и ранее изученных жилищ 3 и 4 полностью аналогичны, жилища 5 и 3 одновременны. Подтверждена интерпретация трех жилищ как поселения-мастерской по заготовке каменного сырья. Предполагается неоднократность обитания на поселении (более позднее промысловое сезонное жилище 2). Намечены пути изучения каменного сырья и промысла копытных как элементов системы природопользования.

Ключевые слова: Западная Сибирь, неолит, природопользование.

Неолит севера Западной Сибири, пока слабо изученный, демонстрирует яркие культурные проявления. Наряду с обычными, рядовыми поселениями с углубленными жилищами здесь выявлены неординарные по пространственной организации памятники. К ним относятся городища с наиболее ранними в Северной Евразии фортификациями – Амня I, Каюково [1. С. 93–111; 2. С. 7–25], поселения с легкими ограждениями – Большая Умыгтя 9, 57, 109 [3. С. 498–502], жилища, обнесенные рвом – Быстрый Кульёган 66 [4. С. 6–12], культовые холмы – Чертова Гора [5. С. 147–158.]. Эти и другие северные памятники отличаются также заметным своеобразием керамических комплексов и каменных индустрий. Почти все они локализованы в подзонах современной средней и южной тайги, в бассейнах Средней Оби и Нижнего Иртыша. Севернее, в Нижнем Приобье памятники неолита единичны: пос. Чэстыйг и Сартынья на Северной Сосьве [6. С. 296–301; 7. С. 59–60], гор. Амня I и пос. Кирип-вис-юган на Казыме [1. С. 93–111; 8. С. 19–33]. Тем больший интерес представляет поселение Ет-то I, расположенное значительно восточнее последних, вне пределов Обского бассейна.

Памятник открыт автором в 1991 г. Его исследование проводилось в 1994, 2002 гг. [9. С. 83–86; 10. С. 3–21] и было возобновлено в 2012 г. (раскоп 3 в южной части поселения). На сегодняшний день на площади 436 кв. м изучены остатки четырех жилищ и ряд других объектов.

В этом памятнике много необычного. Его топография отличается от известных неолитических поселений, приуроченных к речным или озерным надпойменным террасам. Поселение Ет-то I расположено вдали от источников воды, на краю изолированной возвышенности Увыр-пай (Высокая гора – по-ненецки) посреди безлесной озерно-болотной равнины. Ближайший водоем – оз. Етыто находится в 0,6 км к западу, небольшие речки 3–4-го порядков, относящиеся к бассейнам Нады-

ма и Пякупура, удалены на 2–6 км от возвышенности. Увыр-пай представляет собой крупный останец ледниковой равнины, размерами 4x1 км и высотой около 30 м от окружающей поверхности. По его оси тянется гребень с несколькими вершинками, разделенными понижениями-седловинами. Останец сложен несортированными песками водно-ледникового генезиса с обильной примесью мелких валунов и гальки различных пород (кварц, кварцит, халцедон, кремль и др.). Гребень и склоны заняты сосновым бором-беломошником, с примесью березы и кустарничками в нижнем ярусе. В подножии на заболоченных участках произрастает карликовая березка в сочетании с кустарничками (брусничник, черника, водяника, багульник) и мхами. Поселение занимает восточную половину небольшого продолговатого возвышения-бугра (размеры 75x45 м высота 2,5 м) на юго-восточном краю останца.

Исследованные на поселении жилища-полуземлянки отличаются оригинальной конструкцией. Рассмотрим ее на примере жилища 5 (рис. 1, 1). Его прямоугольный котлован, размерами по верхнему краю 6,4x3,5 м длинной осью ориентирован по линии СВ–ЮЗ. Плоское дно впущено в материк на 0,5 м, но глубина котлована от уровня древней дневной поверхности (кровля прослойки погребенного подзола) составляет 0,9–1,0 м. Он разделен на две камеры земляной перемычкой, шириной около 1 м и глубиной 0,4 м от верха котлована; высота перемычки от пола 0,5 м. Размеры северной и южной камер почти одинаковы: 3,2x2,6 м и 3,5x3,0 м соответственно. В дно камер по периметру врезана узкая (0,1–0,25 м) канавка – основание деревянной обшивки стенок котлована. Пол маркирован прослойкой углисто-охристого песка. На перемычке располагалась небольшая, 0,3 м в поперечнике, очажная (?) яма, заполненная оранжево-серым углистым песком. Этот же слой, с пятнами прокала, с кальциниро-

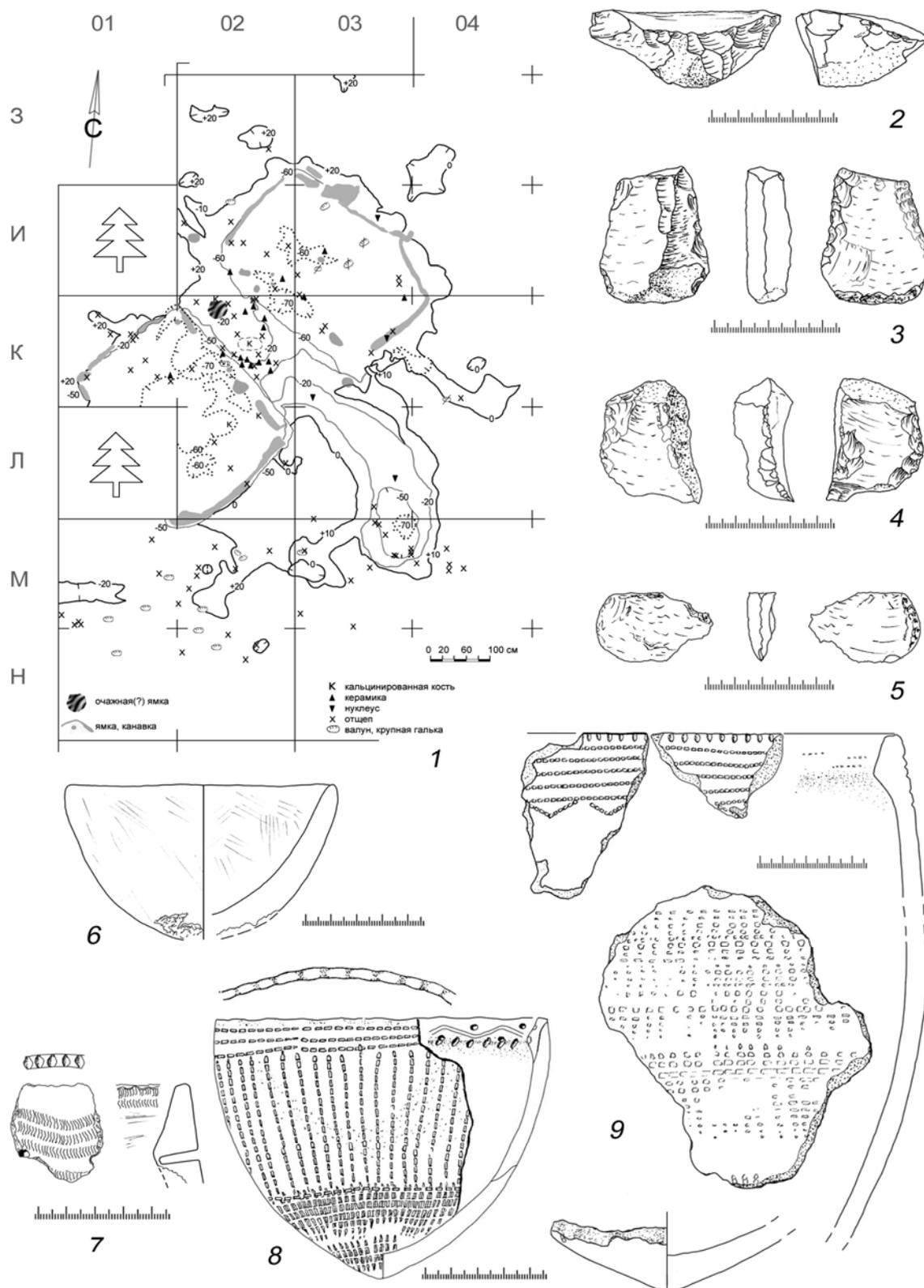

Рис. 1

ванной костной крошкой, фрагментами керамики и каменными изделиями покрывал поверхность перемычки. Выход, обращенный на ЮВ, представлял собой углубленный коридор шириной 1,2 м и длиной 4,2 м, начинавшийся от перемычки. Покатое дно в его наружном конце было углублено до уровня пола жилища. Снаружи к длинным стенам котлована примыкали пятна культурного слоя, залегавшие на погребенном подзоле, возможно, – следы наземной части постройки, шириной до 1,8 м.

В 9 м к ЮВ от жилища 5 располагался объект 7: небольшой котлован (яма) бобовидной в плане формы с вертикальными стенками и округлым дном. Размеры ямы по верхнему краю составляли 2х3 м, глубина от уровня древней дневной поверхности – 1,5 м. Яма была вырыта на краю естественной прослойки галечника, который и составил основу ее заполнения, перемежаясь линзами прокаленного и углистого песка. Немногочисленный каменный инвентарь залегал вокруг ямы, в ней находок почти не было. Стратиграфические данные (единая с жилищем 5 древняя дневная поверхность, маркированная погребенным подзолом) свидетельствуют о хронологической близости или одновременности обоих сооружений. Это обстоятельство, а также характер заполнения не позволяют интерпретировать объект 7 как ловчую яму. Вероятно, она служила для каких-либо хозяйственных нужд, например, для хранения пищевых припасов.

На пос. Эт-то I культурный слой прослежен и в межжилищном пространстве, в том числе вокруг жилища 5: небольшие аморфные ямы и канавки, больше похожие на закопушки, производственная площадка – точок, на которой осуществлялось расщепление камня и, судя по прокаленным пятнам, был оборудован костер, каменные изделия, рассеянные по всей площади.

В отличие от камня, керамика была сосредоточена в жилых постройках. В жилище 5 обнаружены фрагменты 4 сосудов (рис. 1, 6–9). Они изготовлены из плотной, слабо запесоченной ожелезнённой глины с примесью шамота, жидкой органики, мелкой дресвы или песка и подвергнуты низкотемпературному обжигу¹. Толщина стенок 8–9 мм. Сосуды полуяйцевидной формы, с конусовидным дном, различаются по размеру: крупные (диаметр венчика 28–29 см), с массивным, плоско срезанным венчиком и треугольным напльвом

изнутри; небольшие (диаметр по венчику 11 см, высота 7–11 см). Внутренняя поверхность гладкая, внешняя украшена длинным гребенчатым штампом в технике штампования и шагания (прямые и зигзаговые линии, горизонтальные ленты шагающей гребенки). Примечателен тот факт, что развалы двух небольших сосудов обнаружены в противоположащих углах (западном и восточном) южной камеры жилища 5. Один из них, неорнаментированный, заглаженный шпателем, залегал на пятне охры в 0,2 м над полом и, судя по стратиграфическим деталям, вероятно, был помещен за деревянную обшивку стенки котлована. Несколько фрагментов, найденные в заполнении и на полу северной камеры жилища 5, принадлежат крупному сосуду из жилища 3 (рис. 1, 9), что свидетельствует об одновременности построек.

Основную часть находок южной части поселения (раскопки 2012 г.) составляет каменный инвентарь (230 экз.), весьма разнообразный по составу использованных горных пород. Около половины приходится на кремь и кремнистые породы. Вторую по численности группу составляет кварцит: как правило, мелкозернистые разновидности серой и розовой окраски. Немного уступает ему полупрозрачный и белый кварц, представленный зернистыми агрегатами и более плотными разновидностями. Последняя по численности группа – халцедон и его цветные варианты (сердолики). Прочие породы представлены единичными экземплярами: магматики, аргиллит, алевролит. Все перечисленные разновидности горных пород в обилии встречены на площади раскопа: они образуют валунно-галечные прослойки, линзы, гнезда, залегающие на небольшой глубине в современных почвенных слоях и в материке, и встречаются на поверхности.

В технико-морфологическом отношении состав инвентаря весьма специфичен. Более половины его приходится на гальки с негативами одного или нескольких пробных сколов, нанесенных с узкого конца, обломки и осколки колотых галек. В ход шли гальки преимущественно средних размеров, реже крупные и мелкие, еще реже – мелкие валуны. В этой группе находок много производственного брака: раскрошившихся в точке удара, расколовшихся по трещинам или плоскостям спайности галек, что свидетельствует о не слишком высоком качестве опробованного сырья. Среди отщепов и осколков (их примерно поровну) около половины являются первичными.

Нуклеусы для снятия отщепов представлены несколькими экземплярами разных типов. В их числе низкий пирамидальный нуклеус полукруго-

¹ Технологический анализ выполнен Е.Н. Дубовцевой (Центр археологических исследований Уральского федерального университета).

вого скалывания (рис. 1, 2), подпризматический трехгранный с двумя противоположными ударными площадками, забитыми продольными ребрами и негативами коротких снятий на боковых гранях; контрударные гальки-нуклеусы: однофронтальные уплощенный и торцевой, двухфронтальный со смежными рабочими поверхностями. Технологические признаки нуклеусов и продуктов расщепления свидетельствуют об использовании двух техник первичной обработки: ударной, с применением жесткого отбойника и контрударной (биполярной), на опоре-наковальне. Судя по отсутствию среди находок технических сколов, в южной части поселения, как и в ранее изученной северной, не производились специальные операции по формовке нуклеусов. Следует констатировать и отсутствие призматической техники расщепления: в коллекции имеется лишь один мелкий ребристый скол и единственный медиальный фрагмент неправильной микропластинки, оба из красного кремня.

Изделия со вторичной обработкой единичны и маловыразительны: заготовка на контрударном нуклеусе с двусторонней оббивкой бокового края и несколько кварцитовых отщепов с одно- и двусторонней ретушью по одному-двум боковым краям (рис. 1, 3–5). Первичный просмотр коллекции под биноклем выявил серию сколов с выраженными макропризнаками износа кромок (выкрошенность, стертость). Таким образом, орудийный набор почти полностью лишен морфологически выраженных изделий. Его дополняют два односторонних абразива на гальке и плитке кварцита, отбойник из продолговатой гальки, массивный обломок со следами использования в качестве наковальни и мелкий валун, служивший отбойником и наковальней.

Жилище 5 и находки из южной части поселения полностью аналогичны комплексам расположенных рядом жилищ 3 и 4 [10. С. 3–21]. Совпадают сырьевой состав и технико-морфологические показатели каменного инвентаря, типологические характеристики керамики, конструктивные особенности, размеры и ориентировка котлованов жилищ. Все три постройки имеют, видимо, общую дневную поверхность, прослеживаемую по одной и той же прослойке погребенного подзола. Одновременность жилищ 5 и 3 прямо документирована находками фрагментов от одного сосуда в их заполнении и на дне.

Состав и особенности каменного инвентаря, локализованного в трех жилищах и вокруг них, указывают на узкую специализацию камнеобработки: преобладание операций по апробации исходного сырья, что типично для камнеобработки

вающих мастерских неполного цикла. Расщепленные нуклеусы и, тем более, вторичная обработка сколов-заготовок имели подчиненное, второстепенное значение и были, видимо, направлены на обеспечение бытовых нужд обитателей поселка. Жилища находятся у источников сырья и могли функционировать в теплое время года.

Комплекс жилища 2, расположенного в северо-западной части поселения, в целом сходный с остальными, имеет и черты своеобразия. Само жилище отличается устройством выхода (коридор, выполаживающийся наверх) и специализацией камер (одну из них занимал крупный очаг в прямоугольной раме). Следует заметить, что в остальных жилищах очаги не обнаружены, за исключением необычно расположенной ямы на перемычке жилища 5. Керамика в жилище 2 отсутствовала, а немногочисленный каменный инвентарь был сосредоточен во второй, «холодной» камере постройки и характеризовался высокой долей орудий (преимущественно, кварцитовых) и их узким функциональным набором. На этом основании комплекс интерпретирован как сезонный промысловый, относящийся к холодному времени года [9. С. 84]. Даты по углю из жилища 2 на 600–900 радиоуглеродных лет моложе, чем полученные по образцам из жилища 4 [10. С. 20]. Таким образом, обитание на поселении возобновлялось с перерывом и отличалось различной хозяйственной направленностью в разные сезоны года.

Результаты исследования поселения Ет-то I ставят ряд вопросов источниковедческого и интерпретационного характера, требующих дальнейшей разработки. В первую очередь, необходимо уточнение его культурно-хронологической позиции. В свое время оригинальный набор признаков построек, керамики и каменного инвентаря привел к выделению еттовского культурного типа [10. С.21]. Прямые аналогии жилищам пос. Ет-то I нам не известны, хотя отдельные конструктивные детали повторяются в инокультурных памятниках Нижнего и Сургутского Приобья. К ним относятся канавки по периметру дна котлованов (основание деревянной обшивки их стенок) – прием, широко распространенный в таежных районах Западной Сибири на памятниках амнинского, быстринского, каюковского и др. типов [1. С. 100; 8. С. 26–30; 4. С.6–12; 2. С. 9–16]. Реже встречается такая особенность, как коридор выхода, заканчивающийся ямой (пос. Чэстыйяг) [6. С. 297]. Морфологически невыразительный каменный инвентарь памятника не содержит орудий культурно-диагностирующих типов. Что касается керамики, то сопоставившая с еттовской посуда гребенчатого орнаментального

стиля присутствует на гор. Амня I, где она образует единый комплекс с прочерчено-накольчатой керамикой амнинского типа. Близки и радиоуглеродные даты обоих памятников [1. С. 109–110].

Аналогии с материалами гор. Амня I позволяют предполагать, что ареал егтовского типа мог охватывать по меньшей мере верховья бассейна Пякупура, находящегося в соседстве на западе с р. Казым, что открывает перспективу для поиска памятников раннего неолита в этом районе. Отметим также, что в нижнем течении Пякупура исследована одиночная ловчая яма Вора-яха 1, возрастом около 6600 л.н. – свидетельство присутствия человека на этой территории в раннем неолите [11. С. 41]. К северу от пос. Ет-то I, в бассейне Надыма неолитические памятники пока не обнаружены.

Отдельный круг проблем касается реконструкции системы природопользования неолитических обитателей Надым-Пуровского водораздела. Элементом такой системы является использование природных сырьевых ресурсов хозяйственной территории, в частности камня. Мне уже приходилось затрагивать ситуацию относительного дефицита каменного сырья на севере Западной Сибири [12. С. 13–24]. В условиях отсутствия или редкости изоморфных кремнистых пород неолитические каменные индустрии базировались на доступных местных породах, чаще всего кварце из вторичных залегающих (моренные отложения, речные галечники). Но и такие источники крайне редки в равнинной тайге. Поэтому останец Увыр-пай с его разнообразием и изобилием окатанного обломочного материала мог служить сырьевой базой для окрестного неолитического населения. Диагностирующими разновидностями увыр-пайского сырья могут стать кварциты как более редкая, в отличие от кварца, порода. Сколь далеко могло распространяться заготовленное здесь сырье? Если даже оно предназначалось только для социума носителей егтовского типа, можно ожидать его во всем культурном ареале. Хозяйственная территория отдельного производственного коллектива (общины) охотников или охотников-рыболовов могла простираться на многие десятки километров, а размеры всего ареала зависели от числа общин и продолжительности их обитания [13. С. 19–25]. Заметим, что в описаниях коллекций ближайших поселений амнинского типа на Казыме (более 300 км от Увыр-пая) кварцит не упомянут [1. С. 93–111; 8. С. 23–26].

Другой важнейший вид сырьевых ресурсов – пищевые. Osteологические остатки с пос. Ет-то I не поддаются определению в силу крайней фраг-

ментарности. Опираясь на материалы других неолитических памятников, можно предполагать, что ведущими промысловыми видами были копытные, в данном районе, главным образом, – северный олень. Ловчая яма Вора-яха 1 (около 150 км от Увыр-пая) свидетельствует о существовании в неолите приемов охоты с использованием стационарных промысловых сооружений. В этой связи интересны результаты раскопок 2012 г. на памятнике Ет-то II. Он представляет собой скопление из полутора сотен впадин на вершинном гребне Увыр-пая в 1, 3 км от пос. Ет-то I. Часть впадин предварительно определены как остатки ловчих ям. В 2012 г. раскопаны объекты 1 и 2 – прямоугольные ямы размерами 2х3 м и глубиной до 0,8 м. Немногочисленный каменный инвентарь, залегающий вокруг них, аналогичен находкам с поселения. Интерпретация этих сооружений допускает несколько вариантов (ловчие ямы, ямы для хранения заготовленного мяса и др.). Важно, что особенности объекта 2 (крепежная канавка на дне вдоль стенки, охристая заплата придонной части) не исключают его неолитический возраст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стефанов В. И., Борзунов В. А. Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов) // Барсова Гора: древности таёжного Приобья; Екатеринбург–Сургут: Уральское издательство, 2008. С. 93–111.
2. Ивасько Л.В. Укрепленное поселение каменного века Каюково 2: Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 7–25.
3. Клементьева Т.Ю., Круземнт С.А., Погодин А.А. Поселения эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // Первобытные древности Евразии: к 60-летию А.Н. Сорокина. М.: ИА РАН, 2012. С. 497–524.
4. Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья: Коллективная монография / под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2006.
5. Сладкова Л.Н. Чертова Гора – неолитический памятник в бассейне Конды // ВАУ: Сб. науч. тр. Вып. 25. Екатеринбург; Сургут: Магеллан. С. 147–158.
6. Васильев Е.А. Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2004. Вып. 2. С. 296–301.
7. Васильев Е.А. Поздний неолит Нижнего Приобья (к вопросу о периодизации и культурной принадлежности памятников) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. (Суздаль, 1987). М., 1987. С. 59–60.
8. Стефанов В.И., Морозов В.М., Погодин А.А. Кирипис-юган 2 – памятник амнинского типа (к вопросу о неолите Приказымыя) // Источники по археологии Западной Сибири: Сб. науч. труд. Сургут: РИО СурГПУ, 2005. С. 19–33.
9. Косинская Л.Л. Поселение Ет-то I – первый неолитический памятник Надым-Пуровского водораздела // Урал в

прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Екатеринбург: НИСО УрО РАН, БКИ, 1998. Ч. I. С. 83–86.

10. *Косинская Л.Л.* Поселение Ет-то I и некоторые проблемы неолита севера Западной Сибири // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития: Материалы Всерос. науч. конф. Салехард, апрель 2005. Екатеринбург; Салехард: РА АРТмедиа, 2005. С. 3–21.

11. *История Ямала: в 2 т.* / Под общ. ред. В.В. Алексева. Екатеринбург: Баско, 2010. Т. 1: Ямал традиционный, кн. 1: Древние культуры и коренные народы / под ред. Н.В. Федоровой, А.П. Зенько и др. 416 с.

12. *Косинская Л.Л.* Сырьевая стратегия и камнеобработка как аспекты культурной адаптации (по материалам неолитических памятников севера Западной Сибири) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2010. № 2 (27). С. 13–24.

13. *Косинская Л.Л.* Взгляд археолога на западносибирскую этнографию: некоторые аспекты археологических реконструкций: Материалы III Тверской археологической конференции и 8-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверской археологический сборник. Тверь: Триада, 2006. Вып. 6, т. I. С. 19–25.